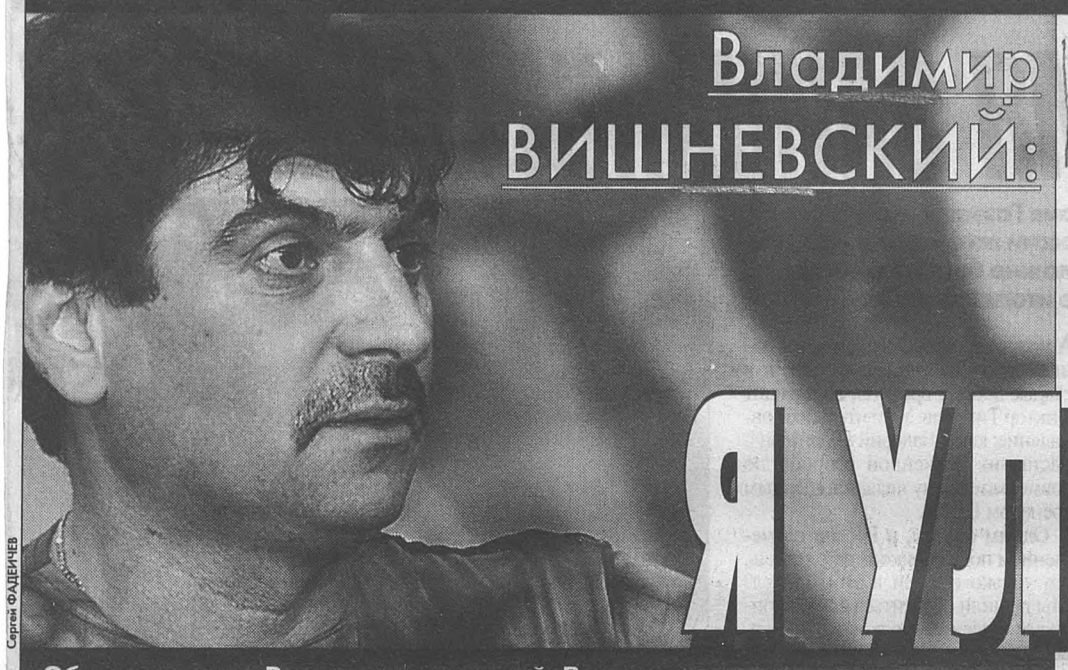


Сергей ФАДЕИЧЕВ

Владимир ВИШНЕВСКИЙ: ПОКА ЕЩЕ ЛЮДЕЙ Я УЛЫБАЮ...

Обидеть поэта в России может всякий. Вот брякнешь сдуру: «Я пришла к поэту в гости. К выдающемуся поэту-юмористу Владимиру Вишневскому», — а он сразу так обидится, что с лестницы спустит! Потому что от слова «юморист» его уже тошнит. «Иронический поэт» — еще туда-сюда. Почувствовали разницу?

Ольга МОЗГОВАЯ

— Владимир Петрович, почему вас так раздражает, когда вас называют юмористом?

— Юмор — вещь хорошая, но в нынешней своей ипостаси у нас... ну, извините, ассоциации не всегда самые благоприятные...

Хотелось бы — как это сейчас говорится? — себя позиционировать как поэта. Просто поэта. А уж мое мирское применение — на эстраде, на телевидении, на сцене, где я могу улыбнуть большое количество людей...

— «Улыбнуть»! Прелесть какая.

— Знаете, мы ведь росли в убеждении, что самому себя назвать поэтом как-то стеснительно. Поэт — это чуть ли не посмертное звание, внушали нам, потом разберутся и оценят. И как-то это, знаете, наверное, неправильно. Потому что какие-то вещи все-таки хочется испытать при жизни, а не «потом». Радость жизни, счастье, любовь...

— ...слава, да?

— У меня есть строчка: «Бог бросил мне на бедность мою небезызвестность». Хотя это тоже преходяще. Но вот Евтушенко в свою «Антологию» включил мое именно лирическое стихотворение. Чем и горжусь.

— Но лирикой людей не «улыбнуть». А вот скажите, нет усталости, нет ощущения, что от вас без конца ждут, что вы будете всех веселить: вот придет Вишневский и нам чего-нибудь отчебучит?

— Это бывает. Но чаще в каких-то незнакомых компаниях, где я все реже оказываюсь, — «пришел поэт и сразу, блин, как этот...» Но что делать? Это неизбежный налог с того, что ты стал небезызвестен.

— Пришел — так весели? Как тамада на свадьбе?

— Кстати, тамаду я недавно сыграл в одном фильме...

— Да, это известно — вы еще и киноактером стали...

— Да, так вот вышло, что в последний год кино меня адреналинило, я сыграл в девяти фильмах. За год воплотился в ролях от тамады до ветеринара. Вскорости выйдет фильм «Бомба для невесты» режиссера Павловского, где я играю главную роль — конферансье, потом еще будет «День ангела», где мне досталась роль адвоката в эпизоде с Гафтом. Он (горжусь!) сказал мне: «Старик, тебе надо этим заниматься!»

И вот теперь стою я на учете...

— Простите?

— Ну, как актер, в актерском агентстве «Макс». Я там «вишу» своим фэйсом, и меня изредка даже приглашают сниматься. А я чувствую, что я могу тут что-то сделать, времени-то в жизни не так много остается...

— Да ну вас, с такими мыслями! В кадр-то вошли легко и просто?

— На команду «Мотор, начали!» я реагирую правильно. Мне кажется, съемочная группа со мной не мучается.

— А свой текст в роль не вставляете?

— Да, бывает, так ненавязчиво, кое-что...Но довольно безболезненно для сценаристов. Пока не обижались. А если серьезно, то главное, конечно, хочется делать вот что: «Большая честь создать продукт, достойный вашего внимания». И в то же время не надоесть ни миру, ни себе.

— Как это у вас в подлиннике? «Чего б себе я скромно пожелал?/ Не надоесть бы ни себе, ни миру!/ Чтоб я всех вас не так заколебал, / Как Ким Чен Ир — российских пассажиров»...

— Читали, значит?

— А то! Вот спрошу — а вы не обидитесь? Сами-то не ощущаете элемент «заколебания»? Или «заколебливания»?

— Я понял. Профессиональный участник ток-шоу — это вы хотите сказать?

— Ну-у... что-то вроде того.

— Конечно, есть опасность надоесть и примелькаться. Но это опять же налог на то, что ты небезызвестен именно в этом жанре. И не мне критиковать телевидение. Как говорится, ничего, кроме благодарности, я к нему не испытываю. Потому что оно «доложило» миру о моем лице. Но вообще-то, конечно, существует опасность стать этаким хроническим «участником ток-шоу», который нон-стопом может говорить на любую тему. Хотя я уже часто и отказываюсь.

— Говорят, что высшая мера популярности — это когда гаишники не штрафуют за превышение скорости, а на рынке не обвешивают и не обсчитывают...

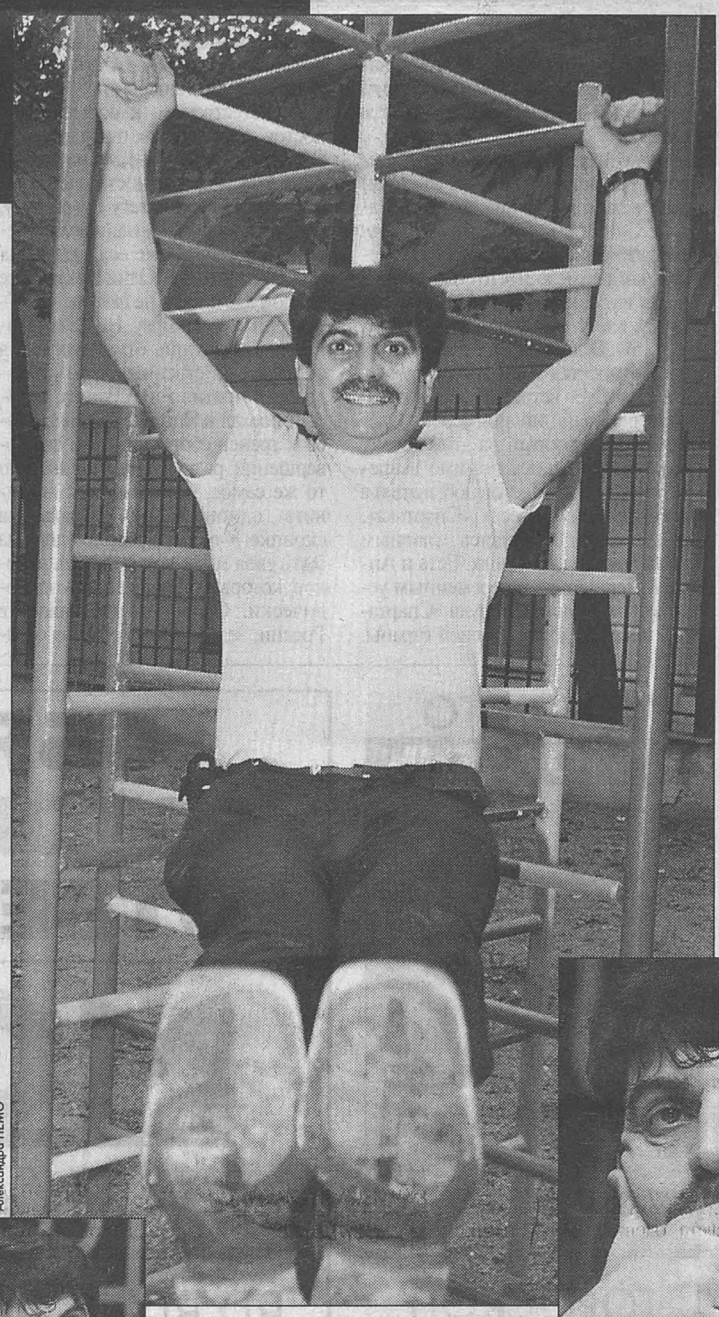
— Да, это все, слава богу, имеет место, а вообще-то у меня есть такая строчка: «Пора понять, что нас не только любят!» Хотя, конечно, грех жаловаться. Тут недавно идет мне навстречу компания — студенты, такие все молоденькие, такие симпатичные, с рюкзачками и мороженым, увидели меня, и одна девушка совершенно непосредственно протягивает мне мороженое с изумительным предложением: «О, Вишневский! Хотите лизнуть?»

А в другой раз идет навстречу человек, такой степенный и бородатый, увидел меня, узнал и почему-то сказал: «У! Агент влияния!»

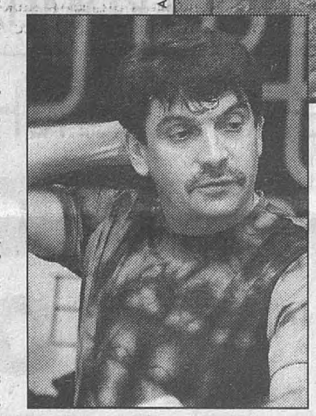
— Наверное, тонко пошутил.

— Еще был характерный эпизод: я ехал на съемки одной программы, не туда заехал, притормозил, а это была воинская часть, там снимался выпуск «Армейского магазина». Ну я и спрашиваю охранника соседнего автосалона: мол, здесь воинская часть? А он так посмотрел на меня, заулыбался и спрашивает: *«А что, там какой-то праздник?»*

— То есть чувства добрые вы лирой в людях пробуждаете. А помните свое первое выступление на эстраде?



Александра НЕМО



— О, это было много лет назад, я читал стихи в Доме учителя. Меня пригласили «как молодого поэта».

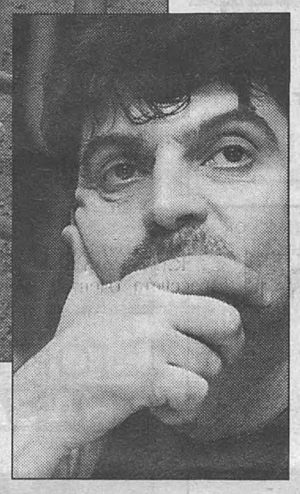
— Очень молодого?

— Ну это же одно из моих любимых высказываний: «Пятнадцать лет, как молодой поэт, а тридцати семи все нет и нет!» В советское время я долго «работал молодым поэтом» и все прелести задержанного советского развития прошел. С одной стороны, это плохо, потому что ничего, кроме здоровой зависти, не испытываю к нынешним двадцатилетним. У них нет нашего конформизма, лучше стартовые возможности.

А с другой стороны, наверное, я не стал бы тем, кем стал, если бы не это «совковое» прошлое. И не смог бы найти свою территорию...А потом: ну где бы и когда, и для кого я смог бы написать «Давно я не лежал в Колонном зале»?! Кто еще поймет и оценит, кроме наших?

— Да уж... А расскажите немного о себе.

— «Я в этой жизни рано стал ребенком». Знаете, если говорить о какой-то художественной составляющей, это у меня от матери, но как только я говорю о маме, у меня начинает взыгрывать чувство справедливости, и я тут же добавляю, что от отца у меня другие недостатки. Кстати, я благодарен «Вечерке»: она впервые напечатала мою автобиографию, а я абсолютно серьезно считаю это лучшим из того, что я написал...



Настолько болит и кричит во мне их отсутствие, родителей, такой фантастикой кажутся то время и тот мир, когда они были живы! Я и сейчас не могу говорить об этом спокойно...

А родился я на Покровке, в старой Москве, там, где Чистые пруды. Это, по-моему, самое удивительное и колоритное место в Москве, где, между прочим, жительствовали самые колоритные городские сумасшедшие...

— Э-э-э...

— Ну да, да, может, что-то там и передалось, в воздухе витало.

— Ваш читатель, ваш зритель, это — ... Продолжите фразу.

— Сейчас попробую сформулировать. В амплитуде от девушки-студентки, которая, узнав меня, может попросить: «Ой, скажите прикол!» до какой-то продвинутой компьютерной интеллигенции, которая меня иной раз цитирует...

А вообще-то я думаю, что мой читатель — это человек, который осознанно или неосознанно ценит прелесть русского языка. Понимаете, на едином аварийном пространстве нашей страны самая мощная работающая стихия — это русский язык. На этом замешана неконвертируемая часть моих текстов. Ну как перевести какому-нибудь японцу такое: «В готовности к облому — наша сила!» А наш сразу поймет...

— Знаете, я сейчас подумала, что в былые времена люди одной крови узнавали друг друга по цитатам. Скажешь фразу из Жванецкого — словно кинешь мячик для пинг-понга. А он тебе — оп! — и отбросил-ответил сходу, процитировал продолжение. И все! Мы узнали друг друга, мы одного поля ягоды. В этом смысле ваши одностишия — просто неубываемый пароль.

— То, что вы говорите, конечно, лестно. А вообще, сам того не ведая, я каким-то сатанинским образом совпал с эрой клипового сознания, когда на вторую строчку нет уже ни сил, ни времени. Хотя я очень против того, чтобы меня называли поэтом только одностиший. Когда выходишь на эстраду...

— «...стремиться нужно к одному», как пел Броневой в «Покровских воротах»...

— Да! Стремиться действительно нужно к одному: ты обязан профессионально понравиться и иметь успех. Но не любой ценой. А оставаясь самим собой, предъявив себя, свой материл. Но ты обязан иметь успех, обязан доставить фан, как говорят американцы.

Хотя, честно вам сказать, я уже закалился до того, что могу выступать в аудитории, где стоят столики — те же рестораны — и приходится говорить в затылки... или в тарелки, работать, так сказать, в «формате застолья»...

— Модное нынче слово — «формат»...

— У меня есть такие две строчки: «Хотел нюхнуть я аромат. Но мне сказали: «Не формат!»

— Что еще сейчас происходит в вашей жизни?

— Помимо прямого литературного, а теперь вот еще и киношного дела я не исключаю углубление в профессиональное шоуменство. У меня есть партнеры, с которыми мы делали программу «Вишневский сад», есть творческий центр «Лицеон», с которым мы работаем и, может быть, в перспективе будем выпускать некое «Фирменное зрелище» от Вишневского. Недавно вышла моя новая книжка, которая называется «Я вас целую. Правда, стало лучше?» Это, как сказали издатели, «Вишневский, доступный для людей». Поскольку маленький (опять же!) формат, мягкий переплет и, соответственно, удобопокупаемая цена.

— Я вас читала. Правда, стало лучше?

— Честно?

— Честное-пречестное. Спасибо — и примите наши самые искренние поздравления с юбилеем, Владимир Петрович!